

Николай Семёнович Лесков

Русский демократ в Польше

Праведники

Николай Лесков

Русский демократ в Польше

«Public Domain»

1880

Лесков Н. С.

Русский демократ в Польше / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1880 — (Праведники)

«Это – маленькая историйка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно примкнуть к рассказам «о трех праведниках». Так говорил мне почтенный старец, со слов которого я записал рассказ об инокaх кадетского монастыря, а теперь в виде post-scriptum записываю еще одно последнее сказание...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Лесков

Русский демократ в Польше

Это – маленькая историйка, но я думаю, что ее тоже, пожалуй, можно примкнуть к рассказам «о трех праведниках». Так говорил мне почтенный старец, со слов которого я записал рассказ об инокaх кадетского монастыря, а теперь в виде post-scriptum записываю еще одно последнее сказание.

Глава первая

Я поступил на службу прямо по выходе из корпуса в канцелярию главнокомандующего действующею армиею генерал-фельдмаршала князя Паскевича. Это было в тридцать втором году, в январе месяце – значит, вскоре после покорения Варшавы, которая взята в августе тридцать первого года. Директором этой канцелярии был действительный статский советник Иван Фомич Самбурский, про которого и пойдет моя речь. Его позабыли, и история о нем умалчивает, а он был человек замечательный и, по моему мнению, даже исторический.

Самбурский был малоросс и имел репутацию человека необыкновенного ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убеждений. Тогда еще на службе такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изредка о них вспоминали и думали, что без них нехорошо, что они нужны. Притом же Иван Фомич был невообразимо деловит: буквально не было занятия, к которому он был бы неспособен и, взявшись за которое, оказался бы не на своем месте. О честности же, разумеется, и говорить нечего – на одних комиссионерах и интендантах миллион мог нажить, а он ничего не наживал и для всех воров был неодолим. Всякую хитрость провидит и *округлит*. Это было известно, и потому при назначении Ивана Фомича в директора канцелярии при Дибиче ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцелярии были очень большие и чрезвычайно разносторонние. По взятии Варшавы, тут сосредоточивалась и военная, и гражданская переписка по всему Царству Польскому; он должен был восстановить русское правление вместо революционного; привести в известность статьи доходов и образовать правильный приход и обращение финансов. Вообще требовалось организовать дело, которое после военного разгрома представляло обыкновенный в таких случаях хаос.

Это труд огромный и почтенный, но неблагодарный. Он требует человека свыше обыкновенных способностей и поглощает его всего; а между тем деятельность его не видна и остается почти незамечаемою, так сказать, черною работою, вроде уборки чего-то в тылу.

Нынче, может быть, это еще лучше, потому что теперь о тыле располагают совсем иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду – впереди, в опасности. В тылу тогда, бывало, остаются не иначе, как плачущи. Ну, а уже что при таком взгляде могла значить канцелярская крыса, – это понять не трудно. Штатские, впрочем, тогда и повсеместно мало где и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякого времени свои странности, а одна из тогдашних странностей была – пренебрежение ко всем невоенным занятиям. Исключение делали для одного графа Сперанского, но и то ставили это себе за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, как люди, бывало, с особенною серьезностью внушали, что «Россия государство не торговое и не земледельческое, а военное и призвание его быть грозою света»... Хомяков сказал: «мы долго верили среди восточной лени и грязной суеты» и проч., – и действительно, верили. Так часто тогда повторялось это мудрое изречение, что, бывало, наслушаешься и начнешь верить. Крым это поправил, а то меры не было вздорам. Рассказывали, например, какие-то полудикие анекдоты, как пришли два офицера в трактир и, видя двух штатских, говорят лакею: «Поддай нам двух титулярных советников!» Тот недоумевает, а они ему объясняют вслух, что титулярные советники – это рябчики. В ответ на это один из штатских говорит: «а нам, братец, дай двух поручиков под хреном». Лакей опять недоумевает, а штатский изъясняет ему гласно, что поручики – это поросята. Этот глупый анекдот выражал настроение.

Я сам помню, как раз вечером, на том месте Казанской площади, у садика, где теперь часто стоит тележка чухонца с Выборгскими кренделями, иду я домой, а передо мною идут два офицера и говорят:

– Видишь штафирку?

Другой отвечает: вижу.

И указывают друг другу на чиновника, который покупает крендельки и завязывает их в платочек. Верно, человек бедный был, потому что шляпенка на нем рыженькая, и сам он тощий, заморенненький, а на нем шинелька суконная, ветхая, подол подтрепан и разрез сзади, – как это делалось.

Один офицер говорит: давай, разорвем его.

Другой отвечает: давай.

И тут же, на моих глазах, взяли его за край шинельного разреза, потянули в разные стороны и располосовали пополам до самого воротника. Только пыль из старого суконца посыпалась, и крендельки он свои, бедняк, разронял. А все это совершенно ни за что, да и без злобы, а так, можно сказать, по глупой манере носились сами с собою в каком-то священном восторге и как зыкливые телята брыкались. Я же вам об этом упоминаю для того, чтобы показать, какой был дух времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской деятельности настроение – особенно в кругу тесного соприкосновения с людьми военными.

Глава вторая

Самбурский, с его правильным умом, конечно, отлично понимал свое время и потому, идучи в директоры канцелярии, знал как устроиться. Он позаботился не только о деньгах, которых у него не было и на которые он, естественно, имел право, принимая на себя труд большой и чрезвычайно ответственный, но он выговорил себе и такое положение, чтобы ему не быть пешкою. Он не хотел быть слепым исполнителем чьих-либо случайных фантазий, а желал иметь необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана действий, равно как и средств к их исполнению. С князем Иваном Федоровичем это было еще необходимее, чем с Дибичем, который был очень толковый администратор. С Паскевичем было труднее, ввиду очень многих свойств его характера и манеры распоряжаться: иные из его распоряжений, бывало, не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять.

Я не знаю, как понимал Паскевич в точности огромные способности Самбурского, на мой взгляд, представляющиеся необычайными; но знаю, что он в душе ценил его превосходную честность. Мне известно также, что он был прельщен одним анекдотом, который относился к юношеским годам Ивана Фомича и заключался в следующем.

Самбурский был бедный человек и нуждался в работе. Работать он мог, разумеется, только пером, к чему имел счастливый дар прекрасного изложения мыслей спокойно плавно и вразумительно. Когда хотел тронуть или обличить и доказать справедливость, – был неподражаем. С этой стороны он сделался известен по поводу прошения, написанного им для одной бедной мелкопоместной дворянки, тяжело оскорбленной богатым соседом. Прощение это, поданное императору Александру Павловичу в четверг на Страстной неделе, растрогало его величество до слез, и государь спросил: «Кто писал?» Вдова назвала Самбурского. И это обратило на него внимание многих. Что же касается самого предмета просьбы, то император велел переследовать неправильно решенное дело, и вдова после многих лет обид и страдания была восстановлена в своем праве. Самбурский писал мастерски, может быть, отчасти потому, что он превосходно чувствовал, вдохновенно проникал справедливость и любил постоять за нее без страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, с какою-то поэтической отвагою типичного хохла. Глядя на него, бывало, не раз вспоминаешь чье-то верное замечание о малороссах, что между ними очень редко встречается середина в нравственности. Нигде натуры не бывают цельнее и даже отчасти прямолинейнее, как в Малороссии. Там, если честный человек, так ничем его не своротишь, и негодяи, если задаются, так тоже бывают ничем не исправимые. Самбурский, разумеется, был из хохлов первого сорта.

Но я отбиваюсь от анекдота, который располагал к Самбурскому Паскевича, и едва ли не был, быть может, главным поводом, почему фельдмаршал уважал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.